

ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

¹ Von Hagen M.
*Writing the History of
Russia as Empire:
The Perspective of
Federalism // Kazan,
Moscow,
St Petersburg:
Multiple Faces of the
Russian Empire /
Kazan, Москва,
Петербург:
Российская империя
взглядом из разных
углов. М., 1997.
С. 393.*

- Там же. С. 394.

«Изучение империй снова в моде»¹ – констатируя этот факт, известный американский политолог М. фон Хаген называет в качестве одной из причин то обстоятельство, что «вспыхнувшие не только в Европе, но и в Евразии в целом этнические и национальные конфликты пробудили ностальгию по крайней мере по некоторым многонациональным династическим империям, которые, как видится в ретроспективе, умели лучше регулировать долговременные межэтнические отношения и проводить национальную политику с менее апокалиптическими последствиями, чем современные национальные государства, созданные на обломках великих империй, развалившихся во время и после первой мировой войны»². Интерес к имперскому типу политической организации и культуры, явно оживившийся и в западной, и в отечественной науке (и, может быть, в еще большей степени – в актуальной публицистике), видимо, является одним из наиболее заметных эффектов новой проблематизации этнополитики в целом. Национальное государство уже не воспринимается как оптимальный и единственно возможный в современном мире вариант политического оформления крупных человеческих сообществ. Об этом свидетельствуют, скажем, дискуссии вокруг идей «конституционного патриотизма» (Ю.Хабермас), «постнациональной идентичности» (Ж.-М.Ферри) или «постсуверенной нации» (П.Тибо), однако эти концепции все еще остаются умозрительными конструкциями, мало пригодными для того, чтобы служить ориентирами в практической политике.

Тем более остры эти вопросы в России, где они осложнены ситуацией не сделанного до настоящего момента выбора между двумя возможными вариантами реорганизации государственной парадигмы, описываемыми в этнополитических терминах как имперский и *национально-государственный* (последний вариант также внутренне неоднороден, потому что национальное государство может основываться как на этническом, так и на гражданском, конституционном понимании нации). Под государственной парадигмой в данном случае понимается комплекс культурных, религиозных, ментальных, психологических и иных предпосылок, которыми обусловлено конкретное строение институционального порядка. Как можно предположить, такая парадигма, лишь частично эксплицированная в социально-политической теории и практике и тем не менее их определяющая, обладает своей собственной внутренней логикой, связностью и способностью к эволюции. Харак-

тер этой эволюции во многом влияет на результаты происходящих в современной России преобразований. При этом высокая степень инерционности государственной парадигмы делает неизбежным использование ретроспективного анализа ее структуры и характера. Вместе с тем от избранного варианта интерпретации содержания и смысла перемен во многом зависит понимание этнополитических перспектив российской государственности. Естественным кажется обращение к понятию модернизации, однако его многозначность и отягощенность порой противоположными оценочными суждениями требует уточнения того смысла, который вкладывается в этот термин в данном тексте.

Критика модернизационных теорий имеет почти столь же долгую историю, что и сами теории. Становление этого концептуального направления относится к 50-м годам XX в., а уже с начала 60-х годов разрабатываются теории отсталости, зависимости и зависимого развития, основной темой которых являются, как правило, антикапиталистические и антизападные претензии к модернизационной парадигме. Однако с конца 60-х годов на первый план выступает вопрос о социокультурном аспекте модернизации, полностью оставшемся вне поля зрения авторов первых модернизационных теорий. «Критика линейного прогресса, связанного исключительно с развитием материальных элементов производительных сил и увеличением производства»³, естественно, выбивала почву из-под ног сторонников теории модернизации в ее первоначальном варианте. Реабилитация традиционных ценностей, специфических для каждого сообщества и часто уникальных, входила в противоречие с рисуемой картиной общего движения к состоянию социальной реальности, являющемуся точным слепком с западной модели. И провал многих поспешных модернизаторских попыток наглядно продемонстрировал утопичность подобной картины.

Отмеченное отношение к теории модернизации встречается и в российских исследованиях («ее претензии на самодостаточность и всеобщность в объяснении современной истории неосновательны»⁴). Представляется, однако, что атаки на теорию модернизации, мотивированные стремлением защитить культурную самобытность от эрозии под воздействием инородных поведенческих стандартов, являются результатом своего рода недоразумения, поскольку эта теория в нынешнем виде радикально отличается от своего первого извода. Н.Н.Зарубина подробно описывает результаты по меньшей мере двух решительных ее переосмыслений. Итогом первого, состоявшегося уже в 70-е годы, стало признание таких исходных тезисов, как: «1) значимость сложившихся социокультурных типов как основ устойчивости и самостоятельности общества; 2) устойчивость ценностно-смысловых факторов в регуляции как политической, так и хозяйственной жизни; 3) большая вариативность

³ Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 16.

⁴ Шевченко В.Н. Теория модернизации с социально-философской точки зрения // Модернизация и национальная культура. М., 1995. С. 71.

институциональных, символических, идеологических интерпретаций, которые различные общества и цивилизации дают реальным процессам модернизации»⁵. При этом, правда, подвергаясь существенным коррективам теория все равно «не выходила за рамки понимания культуры “модернити” как центрального смысла и цели развития незападных обществ»⁶, представляя модернизацию «универсальным путем с учетом локальной специфики»⁷. В научном сообществе, однако, существовала неудовлетворенность таким определением по причине сохранения в его рамках ценностно окрашенного ранжирования западных и незападных социокультурных систем по признаку их потенциальной способности к успешному развитию. Неудивительно поэтому, что «к середине 80-х годов снова намечается смена парадигмы модернизации, выразившаяся в развитии идеи “модернизации в обход модернити”»⁸. Сторонники последней версии исходят из взгляда на модернизацию как на процесс, который не только на промежуточных стадиях, но и в конечном счете не должен приводить к трансформации традиционных незападных обществ по западной модели, являясь скорее «внутренней перестройкой общества в соответствии с имманентно присущими ему законами»⁹.

Действительно, в рождении теории модернизации существенную роль сыграли политические и прагматические факторы. Она рассматривалась не столько как абстрактная научная теория, сколько как набор практических рецептов, как действенная альтернатива марксистской парадигме, предназначенная прежде всего для третьего мира. Поэтому, кстати, чем более примитивной и одномерной выглядела теория модернизации, тем больше черт ортодоксального марксизма, также утверждавшего объективную обусловленность и сводимость к единому знаменателю всех проявлений социальности и культуры, также претендовавшего на роль единственно верного учения, она приобретала. Но с тех пор ситуация изменилась, и теория модернизации, освободившись от инструментальной перегрузки, возвратила себе статус научной теории.

Несмотря на все дискуссии, до сих пор происходящие вокруг теории модернизации и самого этого понятия, в достаточной мере определилось ее смысловое ядро, состоящее в описании ряда процессов, объективно наблюдаемых в истории как западной цивилизации, так и большей части остального мира. По определению В.Г.Хороса и М.А.Чешкова, «это, во-первых, смена преобладающей формы общественного труда (аграрного – индустриальным). Во-вторых, дифференциация ранее слабо расчлененного общества на отдельные сферы (экономическую, политическую, правовую, культурную), обладающие собственной, относительно автономной логикой существования и развития, в том числе по отношению к государству (становление так называемого гражданского общества). Наконец, атрибутом модерни-

⁵ Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998. С. 127.

⁶ Там же. С. 131.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 132.

⁹ Там же. С. 133.

зации является формирование автономно-суверенного индивида, личности»¹⁰.

¹⁰ Хорос В.Г.,
Чешков М.А.
Политическая модернизация в пост-современных обществах // Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996. С. 7.

Следует, впрочем, учитывать, что при таком подходе к проблеме модернизации ее проявления обнаруживаются на всем протяжении истории Запада начиная с античности. В связи с этим целесообразно дополнить перечень основных ее компонентов (который может быть легко расширен) еще одним – о модернизации в собственном смысле слова можно говорить лишь тогда, когда процессы, развивающиеся в разных секторах социальной реальности, приобретают взаимно кумулятивный характер, усиливая действие друг друга, приводя к тотальному преобразованию всех форм социальности и сообщая ему необратимость. Отдельные модернизационные срывы, безусловно, имели и могут иметь место; однако следует, по-видимому, согласиться с жестким аргументом Э.Геллнера, заслуживающим того, чтобы быть приведенным полностью (используемое в нем понятие «аграрное общество», относящееся преимущественно к экономическим институтам, обозначает скорее традиционный социум во всей свойственной ему нерасторжимой целостности социально-экономических, политических и культурно-психологических структур и феноменов): «Человечество навеки связано с индустриальным обществом, то есть с обществом, производственная система которого основывается на непрерывно совершенствующейся науке и технологии. Только такое общество в состоянии прокормить всех настоящих или будущих обитателей нашей планеты и обеспечить им тот жизненный уровень, который они сделали или стремятся сделать привычным. Аграрное общество больше не является предметом выбора, потому что его реставрация просто-напросто обречет подавляющее большинство человечества на голодную смерть, не говоря уже о страшной, непереносимой нищете, ожидающей в таком случае оставшееся в живых меньшинство»¹¹. Как принято считать, объединение различных протомодернизационных процессов в едином потоке относится примерно к XVI в. и произошло в результате одновременного действия таких факторов, как Великие географические открытия, развитие капитализма в его мануфактурной форме, Реформация и завершение формирования европейских локальных государств, причем каждый из этих факторов порождал целый спектр последствий, захватывавших все сферы социальной действительности, – от экономики до ментальности.

¹¹ Геллнер Э. *Нации и национализм*. М., 1991. С. 95.

Однако уже следующий тезис Э.Геллнера – «поэтому бессмысленно применительно к нашему времени рассуждать о достоинствах и недостатках культурных и политических ценностей аграрного века: они ушли безвозвратно»¹² – вызывает серьезные сомнения своей категоричностью. Теории модернизации, первоначально постулировавшие «растворение» всех традиционных сообществ вместе с присущими им ценностями и поведенческими моделями в грандиозном плавильном котле индустриального и постиндустриального обществ, подверглись серьезной ревизии. Р.Бендикс убедительно показал, что

¹² Там же.

рассматриваемая в качестве эталона западноевропейская модернизация была органическим продолжением традиций соответствующей цивилизационной зоны; поэтому жесткое противопоставление модернизации и традиции является искусственным и не подтверждается фактами – традиции продолжают во многом определять ход развития и современного общества¹³.

Тем не менее определенный смысл в противопоставлении западноевропейского варианта модернизации всем остальным все же есть. Только западноевропейскую модернизацию можно рассматривать в качестве действительно органичной и эндогенной, так как во всех остальных цивилизациях, регионах и странах она начиналась или в результате прямого диктата Запада, или как следствие расширенного с ним взаимодействия (по инициативе Запада же), или, наконец, как средство обеспечить достаточный уровень конкурентоспособности по отношению к Западу. В связи с этим представляются сомнительными попытки сторонников третьего варианта модернизационной парадигмы очистить данный процесс от всяких следов европейского происхождения, поскольку такие попытки не подтверждаются историческим материалом, что, разумеется, вовсе не влечет за собой понимания модернизации как тотально унифицирующего процесса. Общества, обретающие в его ходе некие общие фундаментальные черты, тем не менее неизбежно сохраняют собственную специфику, так же, как сохранил ее Запад со всеми своими многочисленными внутрицивилизационными различиями.

И все же любая модернизация, кроме собственно западной, неизбежно будет «догоняющей» в силу того, во-первых, что хронологически она будет следовать позже, а во-вторых, что предпринимается она, как правило, в поисках адекватного ответа на предъявляемый самим существованием модернизируемого Запада вызов. Отрицательные стороны такой модели модернизации очевидны. В.Г.Федотова относит к ним угрозы традиционной культуре, конфликтное усиление социального неравенства в результате возникновения «анклавов современности», копирование стереотипов, уже отброшенных западной цивилизацией (и соответственно, повторение сделанных на этом пути ошибок), распад старых механизмов поддержания социального порядка при невозможности быстрого внедрения новых и т.д.¹⁴ Действительно, в той или иной степени любая модернизация может быть названа и вестернизацией, поскольку внедряемые технологические нововведения, организационные формы и стереотипы социального действия порождены западной цивилизацией, хотя и трансформируются – и зачастую весьма радикально – в процессе переноса на иной цивилизационный фундамент. Однако поиск методов сведения к минимуму негативных эффектов «догоняющей» модернизации не может упразднить саму ее «догоняющую» природу, а вопрос об отказе от модернизации как таковой в реальной политике, как правило, не ставится.

¹³ Bendix R. *Tradition and Modernity Reconsidered // Comparative Studies in Society and History*. 1967. № 3. P. 313–344.

¹⁴ Федотова В.Г. *Плюсы и минусы модели «догоняющей» модернизации // Модернизация и национальная культура*. М., 1995. С. 66–67.

Модернизация, как уже отмечалось, захватывает все стороны социальной реальности, но и ее логически вычленимый политический аспект чрезвычайно многомерен. Он включает в себя, «во-первых, расширение территорий и упорядочение административно-политических границ, образование национальных или федеративных государств, усиление центральной (как законодательной, так и исполнительной) власти, и в то же время – разделение властей; во-вторых, способность государства к структурным изменениям в экономике, политике и социальной сфере при сохранении стабильности и внутренней сплоченности общества; в-третьих... включение все более широких масс населения в политический процесс...; в-четвертых, установление политической демократии или хотя бы популистского правления, изменение способов легитимации власти»¹⁵. При этом в сфере этнополитики основным эффектом модернизации считается принятие модели национального государства независимо от того, связывается ли оно с рождением индустриального общества (на чем основана описанная выше концепция Э.Геллнера), развитием капиталистической экономики¹⁶ или соединением органически данного и юридически-конвенционального типов социально-политической самоидентификации¹⁷.

Важно отметить, что рождение национальных государств (и национализма как его ментальной и идеологической предпосылки) в той же мере является естественным результатом модернизации, как и становление демократического строя. Весьма распространено мнение о противоречии между феноменами демократии и национализма и даже об их противоположности; обычно в таком случае ставится задача борьбы с «безусловной националистической политикой, отрицающей универсальные демократические принципы во имя партикуляристских приоритетов»¹⁸. Однако есть серьезные основания предполагать наличие глубинной органической связи между демократией и национализмом, поскольку первая проблема, возникающая при выборе демократической модели, состоит в очерчивании границ демоса как общества политически активных граждан, в самоопределении демократической политики и общего базиса, на котором будет покоиться внутригрупповая солидарность.

В условиях демократии «граждане, участвуя в формировании суверенного волеизъявления, нуждаются в инструменте, который символизирует, утверждает и гарантирует... их общую политическую принадлежность, делая возможным... эффективное участие каждого в политической жизни. Только язык может сыграть роль такого инструмента, обеспечивающего власти возможность обращения к народу, а народу – возможность доведения до власти своих пожеланий»¹⁹. Таким образом, национальное единство, языковая однородность и наличие укорененной в этом языке общей культурной идентичности непосредственно выводятся не только из особенностей индустриального общества (Э.Геллнер), но и из требований демократии, поскольку

¹⁵ *Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 8–9.*

¹⁶ *Balibar E. Nation, cité, empire. La problème de la forme politique bourgeoise // Balibar E. Les frontières de la démocratie. Paris, 1992. P. 151–166.*

¹⁷ *Tassin E. Identités nationales et citoyenneté politique // Esprit. 1994. № 1. P. 97–111.*

¹⁸ *Ibid. P. 106.*

¹⁹ *Farago B. La démocratie et le problème des minorités nationales // Le Débat. 1993. № 76. P. 7.*

обеспечивают ей тот базовый консенсус, который гарантирует стабильность в ситуации крайнего социального, политического и идейного плюрализма.

Но тогда приходится признать проблематичность самого существования гетерогенных в этнокультурном смысле политий в условиях демократизации. «Демократия как политический режим с трудом “переваривает” присутствие в сердцевине суверенного народного тела иноприродной ему группы»²⁰. Само распространение демократических идеалов уже ставит под сомнение легитимность того порядка, когда «мир состоял из политических единиц различной величины, часто наложенных одна на другую, и из множества вариаций культуры, менявшихся от места к месту»²¹, поскольку в этом случае «становится неизбежным признание существования нескольких демосов»²² на одной государственной территории. Действительно, наличие глубинной (хотя и не строго однозначной) связи между демократией и национализмом подтверждается и исторически: возникшей в ходе Великой французской революции амальгамой принципов гражданства и национальности, проводившейся на всем протяжении XIX в. унификационной политикой французского республиканизма (а также многочисленными примерами восприятия такого подхода и в Европе, и за ее пределами). Одним из отражений этой рецепции в России стали, например, взгляды П.И.Пестеля, декларировавшего в «Русской Правде» необходимость решительного перехода к тотальной этнополитической интеграции и русификации и стремившегося «преобразовать Россию в демократическое централизованное национальное государство по французскому образцу»²³.

Однако этнополитический аспект модернизации входит в серьезное противоречие с фундаментальными особенностями имперской государственности, основными «критическими» признаками которой (т.е. общими для большинства синдромных определений) являются значительные территориальные размеры, этнокультурная и этнополитическая неоднородность, присутствие в механизмах легитимации и в политической практике универсалистских ориентаций, вплоть до претензий на вселенский смысл собственного бытия. Будучи результатом ситуативно обусловленной комбинации этих факторов, «имперские политические системы представляют собой форму разрешения конфликтных напряжений, возникающих при столкновении (в конкретном геополитическом пространстве) универсалистских ориентаций с изначально дисгармоничным разнообразием этнических культур»²⁴ и, соответственно, разнородностью культур политических.

Как представляется, такой подход позволяет органично сочетать анализ двух планов имперского бытия – реального и идеального. Неразделимость мифологемы и политической системы как раз и придает империи устойчивость, превращая ее в самодостаточный универсум. Условия его формирования, по сути совпадающие с критическими признаками империи, основные функции системы такого рода (обеспе-

²⁰ *Ibid.* P. 6.

²¹ Геллнер Э. *Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники.* М., 1995. С. 117.

²² Walzer M. *Le nouveau tribalisme // Esprit.* 1992. № 11. P. 45.

²³ Цит. по: Канпелер А. *Россия – многонациональная империя.* М., 1997. С. 178.

²⁴ Каспэ С.И. *Империи: генезис, структура, функции // Полис.* 1997. № 5. С. 35.

ние экспоненциального роста объема доступных и контролируемых ресурсов; подтверждение претензий на «космический суверенитет» (М.Дюверже); интеграция гетерогенного в этнокультурном отношении пространства в единый социально-политический организм путем создания особого режима взаимодействия центральной и периферийных элит), важнейшие характеристики системы (потенциальная в плане реальной политики, но вполне актуальная в рамках имперской ментальности безграничность; универсализация контекста социальной коммуникации в ключевых с точки зрения системной стабильности зонах социального взаимодействия при сохранении местной специфики во всех прочих) были проанализированы в цитированной выше работе автора. Описана также и основная эволюционная тенденция имперских систем – выравнивание (в различных смыслах – от экономического до онтологического) центра и периферии, приводящее в конечном счете к разрушению смыслового горизонта несимметричных социальных интеракций и распаду, наряду со внешними воздействиями, обычно, впрочем, менее значимыми. И именно вовлеченность в модернизационные процессы лишает империю способности эффективно блокировать действие этой тенденции (что в принципе возможно на протяжении достаточно длительных временных промежутков), поскольку в новых условиях властная традиция подвергается делегитимации сразу по нескольким направлениям.

При рационализации сознания и «расколдовании» мира, в том числе мира социального, утрачивает актуальность мистический смысл существования империи как мироустроительной силы. Претензии на роль сакрального центра вселенной или, в другом варианте, на роль замкнутого и самодостаточного космоса «в себе» отвергаются как самим существованием стремительно нарастающего свое могущество Запада (которое невозможно игнорировать в условиях возрастающей плотности информационного обмена), так и, как правило, неудачными попытками противостояния ему. Экспансия, служившая ранее зримым доказательством обоснованности универсалистских притязаний, жестко блокируется при вторжении в пределы интересов Запада. Принятие же модернизационного курса тем более не решает проблемы, поскольку (помимо очевидности его «догоняющего» характера) приводит к вовлечению в политическую сферу, ранее доступную лишь центральной и местным элитам и функционировавшую на основе задаваемого имперским центром унифицированного и формализованного языка социальной интеракции, более широких социальных групп, мобилизуемых (в соответствии с концепцией Э.Геллнера и схемой поэтапной «национализации» политического участия М.Хроха²⁵) каждая своими интеллектуалами.

В рамках имперской системы «в зону универсализованной и стандартизованной коммуникации вовлекаются элиты и властные институты, в том числе местные. Наличие универсального общепонятного языка резко упрощает взаимодействие между ними, облегчает взаимопонимание и снимает возможные причины возникновения эт-

²⁵ Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations.* Cambridge, 1985.

²⁶ Каспэ С.И. Указ. соч. С. 46.

нических конфликтов. Еще более снижает их вероятность происходящее благодаря использованию этого языка (и часто прямо навязываемое центральной имперской элитой) подключение к общеимперской системе ценностей»²⁶, в результате чего отсекается влияние на политический процесс партикуляристских ориентаций. Происходящая в условиях модернизации реабилитация локальных культур, рождающееся у них стремление к обретению политического измерения своей самобытности рано или поздно либо затрагивает локальные элиты, приводя к их выпадению за пределы зоны действия унифицированных институтов и стандартов, либо влечет за собой формирование локальных контрэлит, оспаривающих старый курс на мирное сосуществование в рамках имперского пространства как предательский по отношению к своему народу. В то же время результатом распространения модернистских установок в центре империи становится актуализация вопроса о прерогативах имперского ядра («коренного народа»), включение этнического критерия в число политически референтных и «закрытие для периферийных элит канала доступа в состав центральной, что, однако, полностью нарушает основополагающий принцип имперской системы, ее универсализм, не предполагающий каких-либо ограничений для приема в элиту по этническому (не культурному!) признаку и, напротив, допускающий наряду с необходимой приверженностью абсолютным имперским ценностям равное для всех этносов право участвовать в политической коммуникации»²⁷.

²⁷ Там же. С. 47.

Не менее важен и экономический аспект модернизации. Индустриальная экономика модифицирует социальную структуру, резко повышая уровень вертикальной и горизонтальной мобильности, перемешивая различные этно- и социокультурные группы. Наследуемый социальный статус вытесняется индивидуально достигаемым, и имперские механизмы интеграции в единое целое разнородных групп уже не охватывают значительную часть населения, чья самоидентификация строится на новых основаниях (в частности, классовых). Свойственная империи, как и всему доиндустриальному обществу, горизонтальная стратификация заменяется вертикальной. Сакрально-традиционная легитимация власти, механизмы которой ранее были во многом индивидуализированы с учетом специфики каждого региона и потому эффективны, в таких условиях слабеет. Рациональное переосмысление легитимации власти (вплоть до подмены той или иной идеологией), предпринимаемое в качестве ответа на происходящие перемены, также не проходит безболезненно, поскольку неизбежно подвергает эрозии задаваемые имперским центром смысловые рамки социального взаимодействия.

Более того, индустриальное развитие, приводящее (как правило, но не обязательно – в результате действия капиталистического рынка) к образованию единого экономического пространства в пределах политических границ, а также к расширению межгосударственных экономических связей вплоть до включения в мировую экономическую

систему, разрушает асимметричные отношения имперского центра и периферии. Все более сомнительной становится в таких условиях эффективность мобилизационного типа экономики, свойственного империям и описанного А.Г.Фонотовым²⁸. Разрушается режим неэквивалентного обмена «центр – периферия» (вытесняемый реализуемым в рамках новых экономических отношений обменом эквивалентным), что резко сокращает возможности власти по формированию фонда «плавающих ресурсов» (термин Ш.Н.Айзенштадта), т.е. ресурсов, выведенных из-под контроля традиционных групп, определенным образом упорядоченных и свободно мобилизуемых в целях реализации политической программы суверена²⁹. Соответственно снижается и властный потенциал имперского центра во внутри- и во внешнеполитической области. При более высоком уровне развития экономических технологий и отношений в имперском центре по сравнению с периферией такая ситуация менее болезненна, цивилизаторская миссия империи в этих условиях находит очевидное оправдание (хотя неизбежная диффузия рано или поздно приведет к выравниванию диспропорции). Но в случае опережающего индустриального развития отдельных периферийных регионов противоречие между их политическим и экономическим статусом воспринимается особенно остро, становясь дополнительной (и наиболее убедительной для экономически активных групп) мотивацией эмансипационных и сепаратистских устремлений, продуцируемых интеллектуалами.

Модернизация, впрочем, не только размывает глубинные основания социального порядка традиционных империй, но и порождает новый вид имперской организации – колониальные империи, для которых характерно «соединение автономистски изолирующей национальной политики с экспансионистской имперской политикой»³⁰. Такие империи радикально отличаются от империй традиционных как в своем идеальном строении («у них нет цивилизующего Мирового Града, он замещен нацией–государством, концептуализуемым как метрополия»³¹), так и по объективным признакам – в составе империй этого типа колонии и метрополия (а также их население) отделены друг от друга весьма резкой институционально и нормативно оформленной гранью, в то время как традиционная империя обычно непосредственно включает свои владения в состав государственного патримония, а статус подданного или гражданина распространяется на все население. Более детальное исследование природы колониальных империй выходит за рамки данной работы, тем более что, как справедливо утверждает Л.С.Гатагова, «в пользу утверждения, что Россия не была колониальной державой, можно выстроить целую систему доказательств, начиная с географического фактора, который обусловил “живые токи коммуникации” (в отличие от европейских стран и их колоний, разделенных морями и океанами), а также апеллируя к политическим установкам, которыми руководствовалось самодержавие в своей бесконечной экспансии:

²⁸ Фонотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.

²⁹ См.: Eisenstadt S.N. Les causes de la désintégration et de la chute des empires. Analyses sociologiques et analyses historiques Diogenè. 1961. № 34. P. 95–96.

³⁰ Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 249.

³¹ Там же.

рассматривать вновь приобретаемые территории как естественное продолжение России»³².

Таким образом, империя сталкивается с двумя противоположными импульсами: объективной необходимостью запуска модернизационных процессов как способа обеспечить экономическую и военно-политическую конкурентоспособность по отношению к странам, уже вступившим на этот путь, и объективной же необходимостью блокировать их разрушительное воздействие на все аспекты имперской идентичности. Естественной реакцией на это противоречие является попытка максимально ограничить сферу действия модернизационных процессов, дозировать их развитие в поисках баланса, позволяющего удовлетворить первую потребность и элиминировать ее негативные эффекты, в результате чего складывается описанная В.А.Красильщиковым «имперская модель модернизации»³³. Тот временной интервал, в течение которого подобный баланс удается поддерживать, определяет продолжительность существования традиционной империи в эпоху модернизации.

Системная модернизация, модифицирующая все стороны социальной действительности и приводящая к рождению качественно нового общества, влечет за собой крах империй (причем со временем – и империй колониальных) и появление национальных государств (демократических или по крайней мере продвигающихся к расширенному политическому участию за счет формирования рационально-активистской политической культуры). Ч.Тилли определяет империю как «крупную внутренне неоднородную политику, элементы которой связаны с центральной властью системой опосредованного правления. Центральная власть осуществляет определенный военный и фискальный контроль за всеми сегментами имперского пространства, однако не посягает на два основных элемента опосредованного правления: 1) сохранение либо установление специфицированных и не подчиняющихся общему правилу связей с элитой каждого сегмента; 2) отправление власти через этих посредников, пользующихся в их доменах значительной автономией, компенсирующей лояльность по отношению к центру, а также фискальное и военное сотрудничество с ним»³⁴. Анализируя логически возможные последствия развития в понимаемой таким образом империи процесса демократизации, Ч.Тилли приходит к выводу о принципиальной несовместимости имперских и демократических структур и ориентаций: «или (а) распад империи на сегменты, в каждом из которых региональные институты реорганизуются на началах всеобщего равного гражданства, основанного на политическом участии и правовых гарантиях; или (б) преобразование имперской системы опосредованного правления в общие для всех структуры непосредственного гражданского участия, порождающие новые связи между центром и периферией. История де-

³² Гатагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 337.

³³ Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 24–34.

³⁴ Tilly C. *How Empires End // After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building*. N.Y.–L., 1997. P. 3.

³⁵ *Ibid.* P. 7.

монстрирует некоторые примеры варианта (а) и никаких примеров варианта (б)»³⁵.

Следует отметить, что сфера этнополитики оказывается при этом источником едва ли не самой существенной угрозы для империи. Так, по мнению А.Безансона, «если рассматривать положение Российской империи перед первой мировой войной, можно констатировать, что она имела серьезные шансы разрешить свои социальные проблемы, проблемы революционной интеллигенции, проблемы экономического развития, но что она не имела никаких шансов разрешить национальный вопрос. Это обстоятельство жестко ограничивало возможности эволюции режима, поскольку либеральная, демократическая, модернизаторская альтернатива, бывшая ключом ко всем этим проблемам, не была решением национального вопроса и, наоборот, влекла за собой распад империи»³⁶.

³⁶ *Besançon A.*
L'empire russe et la
domination soviétique // Le concept
d'empire. Paris, 1980.
P. 367–368.

Срок жизни империи, впрочем, может быть продлен, как это и случилось в России. Первая попытка широкомасштабной модернизации завершилась срывом и тотальным системным кризисом. Причины этого срыва – и в догоняющем характере модернизации, и в неравномерности ее продвижения в различных областях, и в нарастающих напряжениях в имперской этнополитической конструкции. Наиболее продвинутые регионы, в полном соответствии с традиционным европейским сценарием образования национальных государств, активизировали борьбу за независимость; иные, но не менее серьезные проблемы возникали в более архаичных провинциях, ускоренно втягиваемых в модернизационное русло; и если собственно национальные движения имперскому центру более или менее удавалось удерживать под контролем, то социально-политический кризис 1917 г., ликвидировав сами механизмы такого контроля, закономерно привел к мгновенному краху всего имперского здания.

Однако принципиально новых парадигм организации российско-геополитического пространства обнаружено не было, точнее, они предлагались, но оказались нежизнеспособны. Поэтому восстановление российской государственности (в советской форме) необходимо, за неимением альтернативы, повлекло за собой и возрождение имперских механизмов и установок. Одновременно был начат и новый этап модернизации, но в ситуации качественно более жесткого социального контроля, обеспечившего (чудовишной ценой) завершение индустриального этапа модернизации, что и является, как это все чаще признается, основным содержанием советского периода российской истории.

Причины краха советской системы неоднократно обсуждались. Среди них и мотивированная интересами информационного этапа модернизации объективная необходимость ослабления социального контроля, и проигранное экономическое и военно-политическое соревнование с Западом, и просто факторы недолговечности любого тоталитарного режима, и, безусловно, собственно имперские проблемы. Советская модернизация, как и следовало ожидать, ускорила процесс

выравнивания периферии и центра (хотя и не завершила его), тем самым подготовив движение имперских провинций в сторону создания собственных национальных образований. На следующем витке модернизационного процесса последовал новый крах имперской государственности, уже давно архаичной и сохранявшейся лишь благодаря предельной жесткости системы, оборотной стороной которой были ригидность и неспособность к гибкому реагированию.

Однако, судя по событиям последнего десятилетия и в особенности по различным вариантам их идеологизированной интерпретации, полного устранения имперских этнополитических ориентаций из пространства возможностей так и не произошло. Имперская традиция представляет собой один из видов того социального феномена, который Р.Дарендорф обозначает как лигатуры: «Речь идет о связях более глубоких, чем социальные отношения, устанавливаемые договором»³⁷, связях намного более устойчивых, практически не рационализируемых и часто вступающих в противоречие и конфликт с логически мотивированными попытками строительства конвенционального социального порядка. Речь идет не только и не столько об описанной М. фон Хагеном стихийной ностальгии по временам имперской стабильности. Скорее дело в том, что при безусловной невозможности простой реставрации имперских структур вполне возможна их частичная и модифицированная реактуализация, связанная с восстановлением функциональности политических технологий.

Как представляется, такая реактуализация может развиваться по двум сценариям. В первом случае имперская традиция воспринимается инструментально – как дополнительный аргумент в пользу программы национально-государственного строительства, предполагающей абсолютизацию притязаний конкретного этнического субстрата, исторически связанного с имперским ядром. Между тем легитимизирующие механизмы традиционных империй, как правило, предусматривали свободу имперской идеи и практики от этнокультурной фиксации, что, с одной стороны, снимало значительную часть возможных претензий инкорпорируемых в ее состав инокультурных групп, а с другой – позволяло власти обрести независимость от традиционных элитных групп имперского ядра (как отмечал Ш.Н.Айзенштадт, для имперской власти характерно стремление «монополизировать право на принятие политических решений и единолично определять политические цели, не считаясь с различными традиционными группами – аристократией, племенными вождями или патрициями»³⁸). Одну из наиболее четких формулировок инструментально-националистического отношения к имперской традиции, весьма распространенного в современной России, дал А.Н.Кольев: «Отличие русского национализма... состоит в осуществлении “проекта” Российской империи, обеспечивающего русской нации жизненное пространство и материальные ресурсы, соответствующие ее историческим масштабам и са-

³⁷ Дарендорф Р. *Открытое общество и его страхи* // Дарендорф Р. *После 1989. Размышления о революции в Европе*. М., 1998. С. 34.

³⁸ Eisenstadt S.N. *Op. cit.* P. 93.

³⁹ Кольев А. Н. Империя – судьба России // *Неизбежность Империи*. М., 1996. С. 74.

мобильности»³⁹ (аналогичные позиции занимает и большинство авторов цитируемого сборника).

Обращает на себя внимание явное несоответствие столь рационального понимания имперской идеи («пространство и ресурсы») исторической имперской традиции, в рамках которой рациональные соображения всегда играли второстепенную роль. Впрочем, такое подчиненное конкретным политическим и идеологическим задачам переосмысление традиции в соответствии с особенностями современного менталитета вполне естественно: как отмечает Е. Шацкий, «каждое поколение по-своему осуществляет отбор элементов общественного наследия, делая каждый раз объектом оценивания новые его элементы, относясь безразлично к другим, меняя оценки отрицательные на положительные и положительные на отрицательные»⁴⁰. Практически никогда общественное наследие не рассматривается как интегральная ценность – оно для этого слишком амбивалентно и может породить почти любые толкования. При отборе актуальных элементов исторического прошлого, сопровождающемся фальсификацией, размахом и уровнем осознанности которой могут быть самыми различными, личности и группы руководствуются собственными интересами, а реальная ситуация накладывает свои ограничения, санкционируя воспроизводство одних традиций и препятствуя реанимации других.

⁴⁰ Шацкий Е. *Утопия и традиция*. М., 1990. С. 350.

Краткосрочная функциональность такой эксплуатации имперской традиции несомненна. В связи с высокой степенью его эмоциональной привлекательности имперское наследие может служить стимулятором аффективного политического действия и использоваться, в частности, для обеспечения дополнительной харизматической легитимации соответствующих сил. Вызывает, однако, серьезные сомнения перспективная функциональность такого подхода. «Приватизация» имперской традиции, потенциально открытой для всех объективно причастных к ней этнокультурных групп, одной из них играет конфликтогенную роль, поскольку приводит к формированию несовместимых версий исторического прошлого. Перекрывая доступ к общему запасу политических ориентаций и символов, этот курс подталкивает находящиеся в процессе национально-государственного становления группы к опоре на сепаратные символические ресурсы (часто искусственно конструируемые либо заимствуемые), которые в дальнейшем неизбежно будут использованы для оправдания противоположно направленных политических стратегий, следствием чего станет не расширение, а дальнейшее сужение пространства продуктивного этнополитического взаимодействия.

Иной сценарий реактуализации имперских практик может быть связан с предложенной С. Хантингтоном известной концепцией «столкновения цивилизаций», согласно которой в ближайшем будущем мир ожидает интенсивная политизация цивилизационных факторов. В результате этого процесса тип политической идентификации, ориентированный на государство (и до сих пор воспринимаемый как

основной), отойдет на второй план, поскольку различия между цивилизациями и соответствующие идентификаторы «более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами»⁴¹. Эта концепция вызвала в момент ее появления оживленную полемику; однако вряд ли может быть оспорено, что большая часть событий, происшедших в мире с тех пор, укладывается в предложенную С.Хантингтоном схему и основные очаги кризисов и конфликтов продолжают концентрироваться на «линиях разлома между цивилизациями». Эмпирически подтвержденная, концепция С.Хантингтона заставляет задуматься о возможных в такой ситуации механизмах более прочной внутрицивилизационной интеграции, которые неизбежно будут востребованы в условиях дальнейшего роста межцивилизационной конфликтности, – и здесь естественным было бы обращение к ряду элементов имперской традиции.

Связь концептов империи и цивилизации изначально была неразрывной. В лапидарной формулировке Л.Г.Казаряна «цивилизация выступает как миссия империи, а империя – как ее должная и достоверная власть»⁴². Исторические империи стремились к включению в свой состав всей породившей их цивилизации, а точнее, являлись инструментом строительства цивилизаций, преодоления локальности в пользу универсализма, иногда (в том случае, когда имперская парадигма базировалась на вселенской трансцендентной религиозности) доводимого до логического предела. Можно согласиться с М.А.Чешковым, квалифицирующим империю как «механизм, через действие которого история становится – в своих пространственных и временных измерениях – мировой историей... Внутри локальной структуры истории империя есть, пожалуй, адекватный механизм мондиализации, с помощью которого разрушается присущая этой структуре и всем докапиталистическим обществам предельность их развития»⁴³. В некоем конечном смысле империя может быть интерпретирована как материализованное и институционализированное представление о потенциальном единстве человеческого рода как такового⁴⁴ или, точнее, как выражение надежды на достижимость этого единства политическими методами, постоянно подрываемой неадекватностью используемых средств поставленной цели.

М.А.Чешков обнаруживает признаки исчерпания возможностей этого механизма «в развитии новых механизмов мондиализации – коммуникаций, экономических связей, культурных воздействий, общечеловеческих и общемировых ценностей»⁴⁵, сближаясь тем самым с концепцией «конца истории» Ф.Фукуямы, в рамках которой также подразумевается достижение благодаря всем этим факторам некоего равновесного бесконфликтного состояния. Реальность, однако, соответствует скорее опасениям С.Хантингтона, чем надеждам Ф.Фукуямы, и потому, если ранее империи порождали цивилизации, то теперь цивилизации, оказавшись перед лицом новых угроз, вполне способны

⁴¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 35.

⁴² Казарян Л.Г. Россия – Евразия – Мир. Сверка понятий – цивилизация, геополитика, империя // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3. С. 105.

⁴³ Чешков М.А. Пока исторический процесс носит локальный характер, империя важна как механизм преодоления локальности. В новом, взаимосвязанном мире она исчерпывает себя // Закат империй. Семинар. Восток. 1991. № 4. С. 83.

⁴⁴ Автор выражает Б.А.Филиппову и Б.М.Меерсону благодарность за эту мысль, высказанную ими независимо друг от друга в частных беседах.

⁴⁵ Чешков М.А. Указ. соч. С. 85.

породить новые метагосударственные империи. Они, безусловно, не окажутся копией старых, но такие их элементы, как формирование не связанных с конкретными этнополитическими образованиями координационных и властных структур, сохранение локальной специфики, не препятствующей интеграции вокруг общей идеи, территориальная и символическая экспансия как сверхценное предприятие и т. д., вполне могут быть воспроизведены лишь с незначительными коррективами. Подробный анализ этой темы требует самостоятельного исследования. Но такие факты, как деидеологизация НАТО при сохранении и расширении блоковых структур, массовый отказ в процессе европейской интеграции от важнейшего атрибута суверенных государств (государств–наций) – собственной валюты, постоянная апелляция к «глобальным ценностям» как к средству реализации интересов Запада («Само выражение “мировое сообщество” превратилось в эвфемизм... Оно призвано придать общемировую легитимность действиям, отражающим интересы США и других западных стран»⁴⁶), – уже сегодня вполне могут быть квалифицированы как «имперский ренессанс».

⁴⁶ Хантингтон С.
Указ. соч. С. 42.

Вероятные перспективы российской государственности в этом контексте еще рано определять однозначно. Во многом они зависят от того, продолжится ли в ближайшие десятилетия обострение межцивилизационной конфликтности, как в связи с этим будут складываться отношения России с Западом, исламским миром, Китаем, будет ли избран путь реконструкции российской цивилизации как самостоятельного элемента глобальной мозаики или входившие в прошлом в ее состав территориально-политические единицы примкнут к цивилизациям, менее пострадавшим в ходе катаклизмов конца XX в. В любом случае ответы на эти вопросы будут даны в результате ценностного, экзистенциального выбора, крайне осложненного давлением политической конъюнктуры. Научное знание вряд ли окажет скольконибудь значимое влияние на этот выбор, но вопрос об ответственности науки, исследующей прошлое, настоящее и будущее российской государственной парадигмы, этим не снимается.